

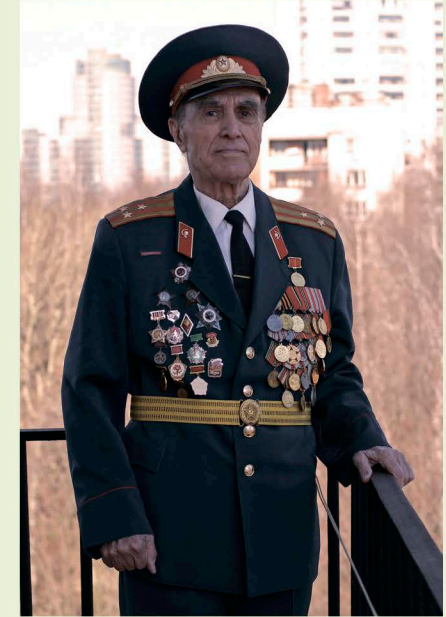

СПАСИБО ЗА ЖИЗНЬ!

ИВАН КУЗЬМИЧ БАРАБАШ

Полковник медицинской службы

С 1979 по 2002 год – главный врач 31-й поликлиники

Иван Кузьмич участвовал во многих знаменитых сражениях – в Курской битве, в освобождении Киева, Житомира, Риги, Варшавы, во взятии Берлина. Самым трудным испытанием стала Курская дуга – по несколько раз в день солдаты были на грани жизни и смерти.

«Мне повезло – в полку я был командиром санитарной роты, это второе лицо после старшего врача полка, если его нет – я ответственный. Краснобаев, я до сих пор помню его фамилию. Он был намного старше меня и относился ко мне, как к сыну; полное понимание, хоть я и не давал повода плохо о себе думать. И вообще, окружающие меня старшие люди

хорошо относились к тем, кто был помоложе, по-доброму. Чего-то такого несправедливого, злого не помню – наоборот.

Вечером 8 мая я был на Эльбе, на встрече с американцами. Это был восторг – мы поняли, что остались живы. Хотя уже чувствовали, что Победа близка – по большому счету, праздновать начали после взятия Берлина. Интересно было встретиться с американцами – встреча прошла дружелюбно, но интерес и внимание больше были друг к другу, а не в связи с самой войной. Хотя элементы сдержанности и с нашей, и с их стороны были; несколько часов побратались, пообщались, потом они – на свою сторону, мы – на свою».

БЕРА МИХАЙЛОВНА ЗИНКЕВИЧ

Медицинский статист 31-й поликлиники

(на этой должности работает с 1977 года)

Во время войны работала во 2-й психиатрической больнице в Ленинграде медсестрой и начальником штаба местной противовоздушной обороны.

«В 1939-м закончила школу, пошла в институт, поступала в «1-й мед», но по конкурсу не прошла, поступила в Институт связи. Там два года проучилась – началась война. Папа и мама работали в больнице, я закончила школу медсестер. Больных нужно было эвакуировать сверху вниз, в бомбоубежище во время бомбежки и обстрела, а представляете, как сложно психиатрических больных эвакуировать?»

Тогда не думали о героизме – думали, как спасти себя, как поесть найти, вещи продавали-меняли, чтобы хоть как-то просуществовать, думали, как от бомбежки спрятаться.

Яркий момент – был обстрел, я открыла дверь, а снаряд в квартиру – бах! Я не успела войти и чудом осталась жива.

В День Победы я была здесь, в Ленинграде. Когда по радио объявили Победу – все вышли на улицу, пошли гулять по городу, по Неве. Люди – знакомые, незнакомые – все вышли из дома, все обнимались, целовались».

ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ ПРАВОСУДОВ

Командир взвода управления артиллерийской батареи

Профессор кафедры физических методов лечения и спортивной медицины

«1 января 1943 года меня мобилизовали, нас погрузили в эшелоны, отправили на восток. Куда везут, не знали, никто не говорил. Я хотел быть артиллеристом. А мне один детдомовец, пока ехали, говорит, напиши Ворошилову письмо. Я написал, отослал в Москву. Привезли нас в Ульяновскую область, г. Сенгилей. Разместили в бараке – трёхъярусные нары, зима, холодно. Занимались с деревянными палками – готовились к войне. Лежу на нарах и однажды вечером слышу, кричат: «Правосудов, письмо от Ворошилова! А в письме распоряжение – разрешено перевести в Ленинградское артиллерийское училище».

Однако добраться до Ленинг-

рада Виталию Петровичу не удалось – артиллерийское училище он с отличием окончил в Пензе. Воевал на 3-м Украинском фронте, в Румынии, Венгрии, Австрии.

«22 апреля я был ранен и отправлен в госпиталь в Венгрии, в местечко Секешфехервар. Именно там в ночь на 9 мая мы проснулись и узнали, что закончилась война. Там и встречали день Победы...»

Когда мы демобилизовались, возвращались домой в эшелонах и пересекали границу, все выскакивали из вагонов и целовали землю – вот откуда это чувство, эта гордость? Ведь люди перенесли тяжелейшие испытания, с трудом остались живы. Наверное, война научила ценить...»

ОЛЕГ ПЕТРОВИЧ БОЛЬШАКОВ

Профессор кафедры оперативной хирургии и клинической анатомии

Служивший по вольному найму в частях действующей армии (г. Ленинград)

«Я был мальчишкой блокадного Ленинграда. Война началась, когда мне ещё не исполнилось 14. С первого дня войны и блокады и до конца я пробыл здесь, все 900 дней и ночей». Как и многие другие

подростки, Олег Петрович дежурил на крышах, сбрасывал зажигательные бомбы – «зажигалки». Тяжелее всего было в 1941-1942-м – морозы, отсутствие водопровода, канализации, электричества. «Отец на фронте был, мы с мамой меняли книжки на хлеб. За полное собрание сочинений Достоевского – буханка хлеба. Мама была преподавательницей. Тем, что я получил образование, целиком обязан ей. Она заставляла меня заниматься, что-то читать, даже пыталась учить меня французскому.

Прорыв блокады – в 1943-м, 18 января – это было ликование, но оно прошло тихо. Никаких салютов. Самый большой праздник – прибавка 25 грамм хлеба. А вот снятие блокады в 1944-м – это был первый салют, который я видел в своей жизни. Было довольно символично: мы

стояли и смотрели салют на углу Рижского и Лермонтовского, с этого же угла мы несколькими годами раньше смотрели на зарево от Бадаевских складов...»

В День Победы мы ходили по городу, смотрели, как люди танцуют на Дворцовой площади, сами танцевали, правда, школы тогда были мужские, и нам танцевать было особенно не с кем. Потом ещё в июле месяце было ликование, когда шли наши войска, возвращавшиеся с фронта по Московскому проспекту. Мы стояли у Технологического института, смотрели, как шли эти солдаты, к ним подбегали девушки, вручали цветы, обнимали, целовали. И тоже контраст – потому что поздней осенью 1941 года я видел эти войска, этих солдат, которые шли от порта по Рижскому проспекту, и это было страшно».

В 1945 году Олег Петрович, будучи ещё школьником, получил медаль за оборону Ленинграда.

ЗИНАИДА АФАНАСЬЕВНА СМЕРНОВА

Старший сержант медицинской службы

Ассистент кафедры педиатрии с 1951 по 2004 год

«В июле 1941 года я поступила в Первый медицинский институт, но учиться начала только в 1945-м. В августе нас, поступивших, отправили на оборонные работы. Мы были совсем девочки, маменькины дочки, мальчиков почти не было. Мы копали противотанковый ров в районе Старого Петергофа и Ораниенбаума. Сейчас там, на Кингисеппском шоссе, стоит памятник – танк. Я говорю об этом с удовольствием – ведь именно там, где мы рыли ров, были остановлены немецкие войска.

В Ленинграде я окончила курсы медсестёр и в феврале 1942-го добровольно пришла в военкомат и сказала: «Отправьте меня на фронт». Нас привезли в Войбокало – там шли самые тяжелые бои. Госпиталь стоял в лесу, а палатка, где жили сёстры – прямо у дороги, на открытом месте. Нас привезли ночью, а утром, проснувшись, я увидела на соседней койке сестру своей приятельницы. Так мы с ней и прошли всю войну бок о бок.

У меня была санитарка. Мне было 18, а ей – 12. Многих раненых

нужно было носить на носилках, а они нас просили: «Доченьки, да пустите нас, мы сами пойдём!» Пытаются сесть, а нам ещё тяжелее – носилки-то раскачиваются...

В эвакогоспитале № 71 я работала до самого конца войны. Я езжу на это место каждый год. А известие о Победе не было неожиданным – мы ждали, что вот-вот объявят».

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ НЕВЕРОВ

Капитан медицинской службы

Заведующий вестибулоневрологическим кабинетом в клинике оториноларингологии

«Отец и брат ушли на фронт во время войны, я работал на Ташкентской железной дороге. Окончил 10 классов, в 1944 добровольно ушел служить, попал на Черноморский флот. Я – молодой матрос, 17 лет – старшие нас считали детьми и часто они брали на себя нашу работу, заботились о нас, чтобы мы овладели своей специальностью, воспитывали нас в духе уважения к флоту. Это остается на всю жизнь...»

В войну было трудно всем, работали не покладая рук. После войны первое время было трудно, но мы это пережили, жизнь налаживалась и каждый год улучшалась.

В День Победы я находился на флоте, в Севастополе. О Победе мы узнали по радио. Это, конечно же, был незабываемый день – описать это простыми словами невозможно. Это было то, чего мы ждали так долго, долго, долго и, наконец, дождалась».

НАТАЛЬЯ ИЛЬНИЧНА КОНДРАТОВА

(на фото слева)

Лейтенант медицинской службы

Медсестра в клинике кожных болезней с 1945 по 1987 год

«Меня мобилизовали как военно-обязанную – медсестра. Калининский фронт, Северо-Западный, 3-й Прибалтийский, после окончания войны – 2-й Белорусский. Работала в госпиталях, в медсанбате, в стрелковой дивизии...»

9 мая была около Польши, город Данциг. Там стоял наш медсанбат, стояли в лесу. Темно, мокрый снег летел. Обстреливали страшно. Мы даже не знали, что война кончилась, раненых полно. Наши стали ракеты пускать, стреляют, кричат. Но было столько работы, было не до того, было некогда, ничего не успевали. Так и узнали о Победе. Война кончилась, а раненые у

нас поступали до июня месяца! Много тяжелых, принимали, не успевали даже перевязывать – машины прибывали эвакуировать. Стояли все больше на хуторах или в лесу.

Тяжело было, главное – тяжело физически, хоть мы и не голодали, кормили кое-как. Мы не знали ни смены, ни дня, ни ночи. В кожную клинику пришла как в царство – смену отработаешь, два дня дома, сутки отработаешь, тоже отдыхаешь. 52 года проработала на одном месте и до сих пор люблю эту клинику. Она славилась хорошим коллективом, работали там добрые люди».

АННА МИХАЙЛОВНА ПЕРЕХВАТОВА

(на фото справа)

Старшина медицинской службы

Медицинская сестра в клинике кожных болезней с 1957 по 1992 год

Анна Михайловна пошла на фронт не по приказу военкомата, а по зову сердца.

«В августе 1941-го была в дивизии, батальон себя не оправдал, мы отступали. На самолете перелетели в район Тихвина. Въехали в Тихвин, четвертых повозки. Все разгрузили, начали готовить еду. Около 8 часов вечера слышим, машины идут – оказалось, немецкие танкетки. Нам не выйти. Офицер говорит, выхода нет. Отступить не будем, будем сдаваться, документы сжигайте. Но мы начали выходить через двор, на поляну. Немцы нас заметили, начали стрелять, нескольких убили, трое было раненых, и вот от Тихвина до Большого двора – семь километров – с одной жен-

щиной-врачом мы тащили этих раненых (они не могли идти) – за это я получила медаль «За отвагу»...»

Четыре года Анна Михайловна работала на передовой. Войну закончила в Прибалтике – была телефонисткой. «Я ночью на телефоне сидела – позывной у нас был «гроза». Не уснешь: «гроза», ты спишь? – да нет, не сплю». Днем спала – а земляночка была низкая, на четвереньках надо было вылезать. И вот я сплю, слышу, стреляют, не могу понять, что такое. Ко мне кто-то голову в землянку сунул – чего спишь, война кончилась, а ты дрыхнешь! Я что-то буркнула, потом слышу, кричат все, целуются. Так вот и встретила Победу – чуть ли не за ноги меня вытаскивали, так спать хотела...»

ГЕОРГИЙ СИЛЬВЕСТРОВИЧ КАТИНАС

Младший техник-лейтенант.

Заведующий кафедрой гистологии с 1972 до 1992 год

В 1992-1997-м – профессор кафедры

«Когда война началась, мне было 15 лет. Повезло, так как наша школа одна из немногих в городе продолжала работать в блокаду, нас там немного подкармливали дрожжевым супом и выжить удалось. Школа ещё дореволюционная, там была астрономическая башня, когда-то там был телескоп. Перед войной его уже не было, но башня с круговым обзором сохранилась. Там был установлен телефон, который вел вниз, в помещение учительской, и мы, школьники, там дежурили посменно. Когда начиналась воздушная тревога, наша задача была – стоять по крышам, чтобы сбрасывать зажигательные бомбы – были такие щипцы, которыми надо было ухватить падающую бомбу и во двор сбросить. С этой башни был очень хороший обзор кругом, а немецкая разведка ведь работала, в городе были ракетчики, поэтому мы следили – в том-то направлении такого-то цвета ракета, и сразу сообщали по телефону.»

В январе 1943-го призвали служить. Я носил очки с 13-14 лет, близорукость была. В артиллерии очкарики явно были не нужны, взя-

ли в связь: сыграло роль то, что призвали из середины 10-го класса, то есть был уже какой-то запас знаний, нас стали обучать аппаратурной связи. Дальше я занимался обслуживанием аппаратуры. Город был связан с остальной частью страны кабелем, который был проложен по дну Ладожского озера, на каждом берегу стояли усиленные пункты, в которых я и работал.

Как узнал о Победе – я же работал на узлах связи и военные люди узнали быстро: из центра по всем узлам было сообщено, что война закончилась. Особых изменений в распорядке службы не произошло. Оттуда-то я и стал бомбить начальство рапортами, что хочу на учебу. Наконец, добился – наверное, семь – восемь рапортов по инстанциям написал.

Только в октябре я смог оформить демобилизацию и начал учебу в 1-м медицинском. Наш курс оказался очень сильным, потому что шли

учиться те, кто действительно хотел учиться, по-настоящему хотел – первый ведь послевоенный год. С нашего курса очень много тех, кто пошел в науку и многого добился».

ОЛЬГА ТИМОФЕЕВНА ЗИМНИЦКАЯ

Медсестра отделения хронического гемодиализа клиники

пропедевтики внутренних болезней

Узница концентрационного лагеря Аушвиц (Освенцим)

В 1941 году Оле Худобкиной было 9 лет. Война захватила её семью в Смоленской области. «Очень быстро Смоленщину заняли немцы, папа ушел в партизанский отряд. Мне было 11, когда маму арестовали как жену партизана. Из лагеря в лагерь нас везли и привезли в Белоруссию, в Витебск, в большой распределительный лагерь. Через несколько дней нас погрузили в большие вагоны, телятники так называемые, где только ворота и все, и очень долго везли. Привезли в Освенцим. Тогда же ведь никто ничего не знал, куда везут, разве же с нами кто-нибудь разговаривал...»

В одно помещение привели – нас раздели, в другое – помыли холодной водой, дальше одели полосатую одежду, накололи татуировку. Первая шла мама, у нее – 65817, а у меня 65818. Когда кололи, номер был очень маленький, это было очень больно, а потом номер вырос, и я своего хирурга попросила удалить, сейчас остался только маленький кусочек. И так, накололи эти номера, поместили в большой барак – блок. Что там было в этом бараке, это трудно описать...»

Месяц мы были с мамой, а потом вызывают всех – и нас с мамой различают. Кажется, будто это все сейчас произошло. Мама говорит: «Оля, ты только не бросай Витеньку, он всегда должен быть с тобой, он маленький». И тут у меня забирают Витю. Он в меня вцепился, я в него – ведь мама же сказала. И на этом я будто заснула. Нас же стригли под ежик. А когда я проснулась – с ощущением, будто только вчера у меня Витеньку забрали – у меня какая-то тряпка на лице до носа, а рука не поднимается, не могу снять. Выяснилось – это волосы выросли из ежика до конца носа. Представляете, сколько времени прошло? Когда меня посадили, я

была довольно полненькая, а тут – здесь палка, здесь палка, а здесь потолок – это колено. Кости покрыты кожей – вот такой я проснулась, как будто ночь прошла. И когда спрашивают, что со мной там делали – ничего не могу сказать, не помню. Что-то они делали с детьми, какие-то испытания. Я вот думаю, что просто я была здоровым от природы ребенком, поэтому выжила – детей немного было там, таких как я. 5 мая 1944-го я уже была в детском лагере в городе Константин. В детском лагере было хорошо, там были женщины-военнопленные – воспитатели, а в январе 1945-го нас Советская армия освободила. Нас везут долго – мы разучиваем гимн Советского Союза, мы уже сытые». Детей привезли в Москву, распределили по детским домам. В 1946 году Олю забрала домой тётя, а потом из плена вернулась мама.

«Сейчас я это все вспоминаю, как будто давно это видела во сне. Ничего не помню из довоенной жизни. Наверное, в Освенциме мне

это вышибло из памяти – папу в лицо не помню...»

В лагере никто не плакал. Вот ложится женщина с двумя детьми спать вечером, утром просыпается – один ребенок умер, и она не плачет. Там все ждали этого – или тебя убьют, или ты умрешь сам. Не плакал народ.

День Победы – я была в детском доме, поселок Пролетарий, 18 километров от Новгорода. Объявили утром, воспитатели пришли к нам в наши спальни – война кончилась, война кончилась! Мы быстро оделись, все на дорогу вышли, все кричали, все плакали – вот тогда все плакали.

Поэтому, дети, цените! Цените то, что у вас есть – эти леса, эту землю, это солнце и небо! Цените! Проблемы, нехватка чего-то – это все было и будет, но это такие мелочи...»

**Материал подготовили
Мария Петрова,
Таисия Суворова**